

Ольга ШЕЙПАК

«ПЕСНЬ О ЛЮБВИ НАД ВОЛЖСКОЙ ДАЛЬЮ»

Аполлон Коринфский и Сашенька Жулебина

(Пьеса написана для постановки в музее-гимназии заповедника
«Родина В.И. Ленина»)

Действующие лица:

Аполлон Аполлонович Коринфский, поэт;

Александра Жулебина;

Федор Михайлович Керенский, директор Симбирской мужской классической гимназии;

маман Сашеньки Жулебиной.

Начало действия: диорама, свет выключен, горят свечи-канделябры, а часть свечей выложена в форме сердца, звучит тихая музыка, может быть, романс Свиридова из «Метели».

От автора. Это история любви возвышенной, завораживающей, сильной. Самая яркая любовь – первая. Она не часто заканчивается узами Гименея, хотя бывает и такое, но остаётся в памяти навсегда. Мы расскажем вам романтическую историю первой любви юных симбирян: известного русского поэта Серебряного века Аполлона Аполлоновича Коринфского и Сашеньки, Александры Жулебиной.

Сцена 1

Симбирский уезд, сад Жулебиных. Юная красавица Сашенька Жулебина прогуливается по саду. Неожиданно на ее пути возникает гимназист – 16-летний Аполлон Коринфский.

Сашенька (испуганно). Ах, как вы меня напугали! Кто вы? Как здесь оказались?

Аполлон. Вы не помните меня? А я всю жизнь, как только пяти лет от роду увидел Вас, с тех пор думал беспрепятственно о встрече, и вот теперь... Прошло так много лет, и я наконец вижу вас. Вы ведь Сашенька, не так ли?

Сашенька. Вы правы: меня зовут Александра. Но... Вы, право, разыгрываете меня...

Аполлон. Да нет же! Я ваш сосед, Аполлон Коринфский. Когда был жив мой батюшка, мы бывали с ним у соседей Жулебиных, то есть в вашем доме – это я хорошо помню! Вы были с огромными бантами в косицах. Такая обворожительная!

Сашенька (смущенно). Я не помню. Аполлон... Это ваше настоящее имя?

Аполлон. Ну, конечно же, настоящее! Так и отца моего звали – Аполлон! Что ж такого?

Сашенька. Конечно, ничего такого... А маменька говорила, я слышала, что сосед Коринфский ушел в мир иной вслед за своей супругой, а наследники живут в Симбирске, и усадьба продается.

Аполлон. Да, я живу в Симбирске, потому что я гимназист, но усадьба не продается. После раздела наследства с моими братьями Хохловка досталась мне и сестрице Серафиме. Моих здесь 136 десятин, я очень

люблю усадьбу и надеюсь после гимназии здесь поселиться – родная природа вдохновляет меня на стихи.

Сашенька. Так вы поэт? Сочинитель? Как Пушкин? Или вы всё шутите надо мной?

Аполлон. Ну зачем же я буду шутить? Вы не верите, что я пишу стихи?

Сашенька. Стихи? Не верю... Вот вы сказали, что чуть ли не с младенчества мечтали меня увидеть – это вздор, так не бывает! Да и где же вы были все эти годы, если так хотели видеть меня? Небось на необитаемом острове? Так что вздор и вздор! (*Надула губки.*) А про стихи тем более вздор! Я не люблю, когда надо мной шутят!

Аполлон. Почему вздор? В гимназии я вхожу в литературный кружок – это все знают, как знают наизусть мои стихи. Я и журнал рукописный редактирую, называется «Плоды досуга». А что касается вас лично, так и тут нет никаких оснований сомневаться в моей искренности: я ведь сразу же узнал вас и не ошибся с именем, не так ли! После смерти матушки мы жили с отцом в его имении Ртищево-Каменский Отколотов, но все эти годы я думал о нашей с вами встрече и молил providенье, чтобы Господь послал нам свидание!

Сашенька. Свидание?! Мы почти не знакомы, а вы уже говорите о свидании? Простите, мне пора идти. Маменька давно уже небось меня ищут.

Аполлон. Умоляю вас, не спешите! Подарите мне хоть одну минутку! Пусть она будет наградой за моё долгое терпение!

Сашенька. Ну не знаю... Я читала в книжках: все поэты так ветрены... Да! Влюбчивы и ветрены.

Аполлон. Но это не про меня! Я отвергал все взгляды девушек на городских балах, потому что перед моими глазами всегда сияли ваши, Сашенька, прекрасные глаза.

Сашенька. Вы опасный оболститель!

Аполлон. Отнюдь! Впереди у меня еще несколько дней каникул. Обещайте, что завтра придете в это же время на это место, и я клянусь: напишу вам посвящение сегодня же ночью – я глаз не сомкну до утра, буду думать о вас и писать, писать стихи! Меня переполняет вдохновение, ведь я наконец-то встретил вас!

Сашенька (*кокетливо и капризно*). Прощайте!

Аполлон. Прощайте до завтра! Если я доживу до рассвета – мое сердце пылает...

*Сашенька уходит, оборачивается и нарочно те-
ряет носовой платочек с инициалами. Аполлон под-
бирает его.*

Сцена 2

*Кабинет директора Симбирской мужской клас-
сической гимназии Федора Михайловича Керенского.
Он ходит взад-вперед, заложив руки за спину, Апол-
лон Коринфский стоит перед ним, понурился голову.*

Директор. Я не понимаю, Коринфский, что с вами происходит! Вы второй год сидите в шестом классе, а учитесь всё хуже и хуже. Что приключилось?

Аполлон. Скучно... Серо... Мне неинтересны никакие предметы, кроме словесности. Да и то, господин директор, помнится, когда вы вели у нас уроки словесности, я был увлечен, а теперь и там скука – мне безразлична стала гимназия! Я давно читаю то, чего требует моя душа, а не то, что разбирается на уроках. Да и как разбирается! Как на анатомическом столе мертвец! Меня тошнит от таких уроков!

Директор. Да вы – вольнодумец, Коринфский! Вы сию минуту посмели мне, директору, пожаловаться на качество уроков, а значит, на педагогов! Это прозвучало оскорбительно по отношению к вашим учителям. Я давно слышал, что вы читаете не по программе, а что в голову взбредет, в то время как министерством обозначены совсем другие перечни книг!

Аполлон. Я читаю лучшее, что оставила нам история! Что же касается качества уроков, то не скрою: я привык говорить правду, господин директор!

Директор. Я тоже предпочитаю правду – чего и добиваюсь от вас. Признайтесь же, Аполлон, вы собираетесь заканчивать гимназию?

Аполлон. Признаюсь с огромным удовольствием: нет и нет! Я давно хотел подать заявление об увольнении из гимназии, да все духу не хватало, а теперь, раз уж вы меня вызвали, позвольте – я это сделаю незамедлительно!

Директор. Да я вовсе не для этого вас вызвал – побойтесь Бога! Вы были блестящим гимназистом! Я хорошо помню, как в начальных классах вы соревновались в учебе с Владимиром Ульяновым и составляли ему конкуренцию на получение 1-й степени, но в шестом классе вдруг покатались в успеваемости назад и назад и вот до чего докатились: бросить гимназию! У вас ведь сплошные пропуски!

Аполлон. Ну так что же!

Директор. Уж не влюбились ли вы? Простите за прямой вопрос.

Аполлон. Это не имеет ровно никакого отношения к успеваемости. Я волен сам выбирать дорогу, и я уже решил: буду сочинителем, поэтом!

Директор (вздыхая). Как вы все поспешны в своих решениях! Был бы жив ваш батюшка – разве ж он позволил вам оставить учебу ради сочинительства! А я ведь хорошо помню вашего отца, Аполлона Михайловича! Блестящий физик, он мог бы состояться как большой ученый, но проявил себя на юридическом поприще как мировой судья и посредник и сыскал благодаря этой деятельности глубочайшее уважение симбирских сограждан. Если бы я не хранил в сердце светлую память о вашем батюшке, Аполлон Аполлонович, то и разговаривать с вами не стал бы – отчислил бы и точка!

Аполлон. Господин директор, Федор Михайлович! Не думайте обо мне дурно – я, правда, устал от учебы и мечтаю расстаться с Симбирском и поселиться в своем имении, в Хохловке, для писательства. Я не совершил ничего дурного и не собираюсь прожигать жизнь, тем более порочить память моего отца Царствие ему небесное! Сердце мое рвется в родные места, к родовым могилам, в единение. Это решение осознанное, поверьте!

Директор. Ой ли... Но, чувствую, что остановить вас мне не удастся. Что ж, пишите заявление – я пишу. А ежели решитесь вернуться, буду только рад.

Аполлон. Спасибо, Федор Михайлович!

Директор. Удачи, Коринфский!

Сцена 3

*Дом Жулебиных. Сашенька Жулебина вышивает.
Входит ее мать.*

Маман. Александра, нам нужно серьезно поговорить.

Александра. Слушаю вас, маменька.

Маман. Ты, конечно же, догадываешься, о чем пойдет речь.

Александра. Догадываюсь, маменька.

Маман. Так вот... О ваших тайных свиданиях с Коринфским знает весь дом и даже прислуга. Папа тоже знает – он возмущен!

Александра. Но почему, маман? Аполлон – дворянин, хозяин имения, прекрасный человек...

Маман (возмущенно, наигранно). Дворянин! О чем ты говоришь? Ты хотя бы знаешь, что его дед был крепостным?

Александра. Его дед был знаменитым архитектором, и сам Александр I жаловал ему дворянство!

Маман. Подумаешь, выучился у сельского дьячка!

Александра. Маман, о чем вы? Он был прекрасно образован, окончил Петербургскую академию художеств и блестяще защитил диплом в коринфском стиле.

Маман. Откуда ты все знаешь? Из мимолетных свиданий в роще? Признавайся, сколько их было?

Александра. Свиданий? Часов или минут? Бесконечное множество, маман! Я люблю его и хочу быть его женой!

Маман (падает на стул, достает из груди платок и начинает обдывать). О, Боже! Я сейчас умру! А моя дочь погибла, уже погибла! (Рыдает.)

Александра. Что с вами? Почему вы плачете? Я не погибла – я счастлива... Коринфский – достойнейший человек.

Маман (сквозь слезы). Ну, конечно же, погибла! Я так и знала. Бедняжка! Ее соблазнил этот оборванец...

Александра. Маман, вы в своем уме?! Меня никто не соблазнял! Я непорочна!

Маман (вскакивает решительно). Тогда брось его, пока не поздно! Всё ещё можно исправить! У тебя будут такие партии, такие... Пальчики оближешь! Будешь жить в Петербурге, сверкать на балах красотой и бриллиантами на шее!

Александра (плаксиво). Ну маменька... сколько можно – одно и то же... Я люблю Аполлона. Чем он вам с папа не угодил?

Маман. Он бросил гимназию! Он вольнодумец! Книжник! Сочинитель! Пустой человек! Он... он...

Александра (заткнула уши, блаженно улыбаясь).

Он гений, гений...

Маман (*трагикомично*). Она погибла...

Сцена 4

Симбирский уезд, сад Жулебиных. Сашенька Жулебина прогуливается по саду с зонтиком от солнца. Она напряжена. Аполлон Коринфский появляется по-прежнему неожиданно – теперь на нем нет гимназического мундира.

Сашенька (*радостно*). Вы меня опять напугали. Я и не ждала вас... Вы так давно не появлялись...

Аполлон. Как же давно? Не прошло и недели... Я улаживал дела в Симбирске. Складывал вещи и книги... Я ведь уволился из гимназии – как вы и хотели, чтобы быть рядом с вами.

Сашенька. Н-н-да? И чем же вы будете теперь заниматься? Писать стишки?

Аполлон. Стишки... Звучит довольно пренебрежительно... Отчего ж вы сердитесь?

Сашенька. И вовсе я не сержусь... Папенька говорит, нехорошо это – бросить гимназию. Для дальнейшей карьеры нехорошо.

Аполлон. Отчего ж нехорошо? Я свободен! Что я мог там получить, какие знания по моей профессии? Я читаю гораздо больше, чем значится в затхлой программе. А учителя? Господин Керенский сам признает, что учителя сухи и лекции их безжизненны. (*Декламирует свое стихотворение.*)

Бездушных, как все вы, наук протоколы
Насильно внедрявшие в нас.

От ваших уроков, от вашей системы
Тупели и гасли умы.

О, как ненавидели все мы,

О, как проклинали вас мы.

Сашенька. Вы вольнодумец?

Аполлон (*берет ее за руку*). Сашенька, это не ваши слова. Признайтесь же, что на вас напало? Я давно заметил: как только оставлю вас на пару недель без своего участия, так вы сразу же меняетесь.

Сашенька. Да, это так. И маменька, и папенька – все против вас. И говорят, и говорят против вас, ищут мне выгодную партию.

Аполлон. Но я-то чем не жених?

Сашенька. Говорят, что из крепостных, мол, какой дворянин из крепостных? И сирота...

Аполлон. Да, я сирота. Мать свою даже не помню – она умерла при моем рождении. А батюшка светлый был человек. Даже наш директор, господин Керенский, с уважением о нем говорил. А дед, хоть и крепостной, но я же вам рассказывал о нем! Удивительный был человек! Разыграл роль Ломоносова прямо на театре своей жизни! Пешком в Казань ушел, без копейки денег, окончил гимназию с отличием и в Петербургскую академию художеств за казенный счет был принят за исключительность таланта. И во мне множество талантов кроется – я это чувствую!

Сашенька. Вы себе льстите...

Аполлон. Нисколечко! Там буря, буря в душе, всё клокочет и рвется наружу.

Сашенька. А служить где собираетесь? С доходов от имени семью не прокормите.

Аполлон. Сашенька, дорогая! Так я уже работаю! Не покладая рук и головы, между прочим! У меня уже

и первая должность есть: заведующий Симбирским отделением «Казанского листка». Мне симбирские и казанские газеты материалы заказывают: заметки, фельетоны, корреспонденции из симбирской жизни. А еще я постоянную полосу веду – «Журнальное обозрение». Я ведь не только стихи, Сашенька, но и прозу пишу. Страстная любовь к вам подвигла меня на драматический рассказ... Боюсь даже предлагать вам для чтения...

Сашенька. Отчего ж боитесь? Критики моей не доверяете? Я хочу прочесть.

Аполлон. Я доверяю, доверяю! Просто рассказ очень трагический. Боюсь, что вы будете плакать.

Сашенька. А название?

Аполлон. Называется «Не вынесла». О любви одной несчастной девушки.

Сашенька. Вы меня пугаете, Аполлон! Не хотите ли вы сказать, что бросите меня? Учтите, я в реку не брошусь из-за несчастной любви.

Аполлон. Что вы, Сашенька! Я боюсь даже самой малостью вас огорчить, хотя сам... Если ваши родители не благословят нас, я сам брошусь в реку.

Сашенька. Не надо в реку! А то историки обвинят меня, как Натали Гончарову, что я погубила талант.

Аполлон. А вот теперь вы мне льстите (*берет ее руку, прижимает к щеке*).

Сашенька. Ну не знаю... (*Надувает губки.*) Вы говорили, что я ваша муза, но стихов в свой адрес я почти не слышу...

Аполлон. Да я просто не решаюсь читать! А пишу я много – муза не оставляет меня, особенно ночью. Вот, извольте послушать. Новое...

(*Декламирует.*)

В стенах неволи городской,
Кончая хмурый день печальный,
С какой безвыходной тоской
Я вспомнил плеск реки кристальной,
Повисший над обрывом сад,
Берёз развесистые сени,
В старинном доме комнат ряд,
Террасы шаткие ступени,
Поля, луга... Как будто вдруг
Под стон озлобленной столицы
Перечитал мне старый друг
Забывтой повести страницы...
Казалось мне, в степной глуши
Я вновь живу, поля родные
Со мной беседуют в тиши,
И мне внимают, как живые.
И я люблю, люблю впервые,
Всем юным трепетом души!..

Сашенька. А знаете... Вы пишете все лучше и лучше... Думаю, мои родители еще будут вами гордиться и похалеют о своих словах в ваш адрес.

Аполлон. Я все для этого сделаю, клянусь вам, Сашенька! Я добьюсь расположения ваших родных!

(*Голос горничной из-за сцены:*

– Александра Дмитриевна! Вас батюшка ищут! Очень гневаются... Идите домой скорее!)

Сашенька (*мечется*). Ну вот, уже ищут! Надо идти... Опять крику будет...

(*Александра бросается в объятия Аполлону, он прижимает ее, целует ей руку.*)

Аполлон. Думайте о светлом! Мы непременно будем вместе!

Сашенька освобождается от объятий, пробует бежать, но возвращается и целует возлюбленного в щеку, после чего убегает. Счастливым Аполлон держится за щеку.)

АПОЛЛОН. Ну вот, убежала...

Сцена 5

Аполлон один в своем кабинете, ходит по комнате с пером в руке, что-то сочиняет и читает написанное, делая паузы, будто проверяет на слух написанное.

АПОЛЛОН. Я видел, как в углу подвала умирал
Больной старик, детьми покинутый своими,
Как взором гаснувшим кого-то он искал,
Устами бледными шептал он чье-то имя...
Он одиноко жил, и друга не нашлось
Закрывать в предсмертный час померкнувшие очи,
И он ушел навек во мрак загробной ночи
Один с своей тоской невыплаканных слез...

Я видел, как стоял мужик над полосой,
Распаханной его могучими руками,
Заколосившейся пшеницей золотой
И градом выбитой... Горючими слезами
Он не встречал своей негаданной беды:
Угрюм и даже дик был взор его унылый,
И молча он стоял, беспомощный и хилый,
Согбенный тяжестью безвыходной нужды...

Я видел, как дитя единственное мать
Сама несла в гробу, – как в церкви от страданья
Она уж не могла молиться и рыдать...
Окончился обряд печальный отпеванья, –
Она была без чувств... Малютку понесли
В последний путь, – она, собрав остаток силы,
Едва могла дойти до дорогой могилы
И сыну бросить горсть последнюю земли...

Я видел, как в тюрьме на дремлющую степь
Сквозь переплет окна задумчиво смотрела
Колодников толпа; и слышал я, как цепь
Нежданно в тишине на ком-то прозвенела;
И лица темные исполнились у них
Такого жгучего сознания и боли,
Что сразу понял я, что в этот самый миг
Забьлись узники в мечтах о прежней воле.

Я видел, как в тоске голодной протянул
Оборванный бедняк нарядной даме руку
И, милостыню взяв, в лицо ее взглянул
И замер, как стоял, не проронив ни звука...
Немая скорбь прошла, и бросил деньги прочь
С рыданием старик: в раскрашенном созданье,
Проехавшем с толпой гуляк на посмеянье,
Бедняк узнал её – свою родную дочь!..

Я видел это всё, когда одна печаль
Роднилась с моей пытливой душою,
Когда до боли мне чего-то было жаль,
К кому-то рвался вновь я с горькою мольбою...
Я видел это всё и понял, что тоска –
Тоска моей души, исполненной желанья, –
Пред всеми этими примерами страданья
Ничтожна и мелка...
(Пауза.)

Ну, вот что получилось. Боль в сердце соединилась с болью многих несчастных... У некоторых нет крова и пищи, у других – близкого человека. У меня же все это есть, но я мечусь и стенаю, оттого что родители Сашеньки не дают благословения на наш брак. Стыдно, стыдно, Аполлон! (*Хватается за голову.*) Во-круг столько горя! (*Снова вчитывается в листок, самую концовку.*)

Тоска моей души, исполненной желанья, –
Пред всеми этими примерами страданья
Ничтожна и мелка...

Зима... Сад заметен, сугробы выше головы – свидания наши невозможны... Последний раз мы виделись на Рождество: сначала в Никольской церкви, а потом я осмелился прийти с подарками в дом Жулебиных. Хозяева были сдержаны, но учтивы. Они никогда не дадут согласия на наш брак! Но ведь должен же быть какой-то выход, если мы любим друг друга... А что если венчаться тайно? Наши чувства проверены временем... Батюшка, отец Алексей, крестил меня в Никольском храме и не откажется тайно повенчать... А потом – будь что будет! Только бы Сашенька моя согласилась!

Сцена 6

Тот же интерьер, что и в начале действия: диорама, свет выключен, горят свечи-канделябры, часть свечей выложена в форме сердца.

Александра в красивом светлом платье, на голове – белый шарф.

Александра (*руки крестообразно, как перед причастием, сложены на груди. Она читает молитву перед венчанием.*)

Отче небесный, в день нашего венчания прими эту молитву. Взаимопонимание и доверие, соединяющие нас, пылкая любовь и радость бытия свидетельствуют о воле Твоей святой на наше совместное счастье.

Твоя любовь питает нас. Верность Твоя наполняет нас силой поддерживать друг друга изо дня в день. Твое терпение сообщает нам смелость идти по совместному пути. И лишь прощение Твое делает все сие возможным.

Благодарю Тебя, Господи, за дар этого союза и молю Тебя: благослови нас сегодня и во все дни жизни нашей. Аминь... (*Крестится, затем говорит сама с собой.*)

Неужели это свершится сегодня вечером? А метель-то, метель сегодня какая! Так и завывает, будто стонет, будто оплакивает мою судьбу... Как же я без благословения маменьки и папеньки предстану перед Богом, а потом и перед ними? А если они меня не простят, что тогда? (*Снова крестится, глаза ввысь.*) Прости, Господи...

Появляется Аполлон. Вид у него торжественный. Он берет ее руку.

АПОЛЛОН. Сашенька, вы готовы? (*Она молчит, потупив голову.*) Вы всё знаете о моих чувствах. Я не могу без вас жить. Но если вы сомневаетесь в правильности своего поступка, то я отступлю – не хочу, чтобы вы жалели о содеянном и были несчастны.

Александра (*поднимает глаза, грустно и нежно смотрит на Аполлона, наконец, отвечает ему*

чуть слышно.) Я люблю вас с той самой минуты, как увидела вас впервые и услышала ваш голос и стихи. Я на всё готова...

Голос священника.

Венчается раб Божий Аполлон рабе Божией Александре. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь...

Венчается раба Божия Александра рабу Божию Аполлону, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь...

Блажени вси боящиися Господа, ходящи в путех Его. Труды плодов твоих снеси: блажен еси, и добро тебе будет. Жена твоя, яко лоза, плодovита в странах дому твоего, сынове твои, яко новосаждения масличная, окрест трапезы твоея. Се тако благословится человек бояися Господа. Благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима вся дни живота Твоего, и узриши сыны сынов твоих. Мир на Израиля.

Тот же голос.

Сия запись, сделанная в Духовой книге 26 февраля 1888 года, свидетельствует: «Аполлон Аполлонович Коринфский, из дворян г. Симбирска, 19 лет, повенчан первым браком с девицею из дворян села Хохловки Александрою Дмитриевной, 19 лет, оба православные...».

АПОЛЛОН. *(Всё так же держит Александру за руку и декламирует.)*

Безотчётные порывы,
Мимолётные волнения,
Многолетние приливы...
Безотчётного томленья!

Грёзы юности желанной,
Отблеск страсти пережитой,
Свет весны моей туманной,
Безо времени забытой, -
Всё мелькнуло предо мною
В них нестройной вереницей -
Потухающей зарёю,
Отдалённую зарницей...

Нет волнения, нет забвенья,
Мимолётные порывы
Безотчётного волнения!
Для меня полны значенья
Безотчётные приливы
Мимолётного томленья!..

Послесловие.

Все закончилось, как в сказке, – свадьбой. Известно изречение, что браки совершаются на небесах. Но жизнь протекает на земле, она полна испытаний, бурь и невзгод, и очень немногие супружеские пары способны пронести свою любовь до конца, через всю жизнь. К сожалению, брак Аполлона Коринфского и Александры Жулебиной распался. ...Вообще, жизнь не была благосклонна к необычайно талантливому поэту Аполлону Коринфскому. Мы можем только размышлять над тем, как и почему завершилась эта красивая «история любви» и порассуждать, что могло разлучить влюбленных молодых людей... Глубинные чувства поэта раскрываются в стихах. Жизнь его души в поэтических строчках...